

Глава 7. Ночёвка

Лу Юньпин, по обыкновению, поджаривал ломтики маньтоу на балконе — неспешно, с чувством. Ли Хуэй стоял рядом и дымил сигаретой.

— Слышь, ты бы хоть завязывал, — подал голос Лу Юньпин. — Рабочий день кончился, мало ли кто увидит.

— Ну увидит, и что?

— Не боишься, что мать всыплет?

Ли Хуэй усмехнулся:

— Мать уже давно до меня не дотянется, силёнок не хватит. А вот если твоя узнает, то точно запретит нам водиться.

Аромат поджаренного теста дразнил ноздри. Лу Юньпин достал из кухни баночку острых бобов. Ли Хуэй бросил окурок и принялся за еду, обмакивая хрустящие ломтики в соус.

— Душевно, — пробормотал он.

— Хрустят?

Ли Хуэй, с полным ртом крошек, одобрительно закивал:

— Ещё как. Объедение.

Лу Юньпин перевернул оставшиеся куски на другую сторону и невольно засмотрелся на друга. В профиль тот казался каким-то... холодным. Его тонкая шея и чёткая линия плеч вдруг показались Юньпину удивительно изящными. Он смотрел всего несколько секунд, но внутри что-то ёкнуло, и он сам испугался этого ощущения. Ли Хуэй, словно почувствовав взгляд, обернулся:

— Ты чего уставился?

Лу Юньпин, ощущая странное стеснение в груди, поспешно скрылся на кухне. Ли Хуэй лишь недоуменно повёл плечом и продолжил с аппетитом уплетать маньтоу.

Упёршись руками в край кухонной раковины, Лу Юньпин пытался прийти в себя. Когда сердце перестало бешено колотиться, он плеснул в лицо холодной водой. В тот миг его словно током

ударил. Да, точь-в-точь как тогда, когда он копался в схемах старого двухкассетника и получил удар током.

Для школьников девяностых тема любви уже не была запретной. Ещё в восьмом классе Юньпин с одноклассниками тайком смотрел «взрослое» кино, так что чувство, когда кровь приливает к лицу, а сердце готово выпрыгнуть из груди, было ему знакомо. Пугало лишь то, что возникло оно, когда он смотрел на Ли Хуэя.

«Разве Ли Хуэй похож на девчонку?» — подумал он, глядя сквозь москитную сетку на балконе. Нет, ни капли. Тонкий, жилистый, но совсем не нежный. Просто... красивый. Лу Юньпин и сам толком не понимал, почему это его так заботит, но решил держать мысли при себе.

«Красивый» — по отношению к парню это слово казалось неправильным. Они ведь мужики, чёрт возьми. Если бы кто-то другой так сказал о нём самом, Юньпин бы точно пустил в ход кулаки.

Пока он стоял, погружённый в свои думы, Ли Хуэй уже доел и заглянул в кухню:

— Ты чего там застыл, как изваяние? Сейчас всё сгорит!

Увидев мокрое лицо друга, он удивлённо приподнял бровь:

— Ого, ты в порядке?

Лу Юньпин, не проронив ни слова, вернулся к своим ломтикам. Ли Хуэй не стал донимать его расспросами и просто замер рядом, глядя куда-то вдаль.

Пока ребята предавались каждый своим мыслям, с работы вернулась мать Юньпина. Её зычный голос раздался ещё до того, как она вошла в комнату:

— Засранец, ты маньтоу-то пожарил?!

Распахнув сетчатую дверь на балкон, она осеклась, увидев Ли Хуэя. На её лице тут же расплылась улыбка. Хуэй улыбнулся в ответ, а Лу Юньпин, чувствуя, как краснеет от стыда, пробурчал:

— Мам, ну можно без «засранца»? Слух режет, честное слово.

Мать проигнорировала его выпад и обратилась к гостю:

— Здравствуй, паренёк! Мы раньше не виделись. Как звать-то?

— Здравствуйте, тётя. Я Ли Хуэй, сын Ли Пин.

— А, Ли Пин! Ну конечно, знаю её. У твоей мамы сегодня ночная смена, так что ужинай у нас. Я сейчас соображу чего-нибудь повкуснее.

— Спасибо, тётя.

Юньпин, стоя в стороне, закатил глаза:

— Вообще-то, это я его пригласил.

Выкладывая маньтоу на тарелку, он шепнул Ли Хуэю на ухо:

— Сразу предупреждаю: не раскатывай губу на мамино мастерство. В плане быта она — инвалид третьей группы.

Первый «званный ужин» в доме Лу Юньпина состоял из подгоревшей яичницы с помидорами, пересушенной свинины с чесночными стрелками, тарелочки ферментированного тофу и миски солёной капусты. Весь ужин Юньпин подтрунивал над кулинарными талантами матери, та в ответ в шутку распекала сына, а Ли Хуэй молча жевал. Про себя он решил, что больше никогда не будет привередничать, когда готовит его собственная мать — всё познаётся в сравнении. Сказать это вслух духу не хватило, поэтому он просто уплетал капусту, которая на вкус оказалась куда лучше двух других горелых шедевров.

После ужина Ли Хуэй собрался было уходить, но мать Юньпина настояла на том, чтобы он остался на ночь. Аргумент был железным: Ли Пин на смене, и дома за мальчиком присмотреть некому. Хуэй хотел возразить, что он уже взрослый и вполне может сам лечь спать, но шанса ему не дали. Мать уже доставала из шкафа одеяло.

Лу Юньпин, стоя с полотенцем в узком коридоре, усмехнулся:

— Смирись. Мать у меня такая — гостеприимство прёт через край.

Ли Хуэй забрал у него полотенце и со вздохом заметил:

— Я-то надеялся на нормальную кровать. Ты уверен, что мы поместимся на твоей узкоколейке?

В итоге два растущих организма оказались втиснуты в кровать шириной едва ли метр двадцать. Повернуться было тем ещё квестом. Сначала лежали спина к спине, но спустя время Юньпин, долго копошась и устраиваясь поудобнее, перевернулся и ткнул соседа пальцем в бок.

— Ты правда не собираешься в старшую школу?

— Угу. Не собираюсь.

— Это ещё почему?

— Да не потяну я.

Юньпин хотел было сказать что-то ободряющее — ему казалось, что после того как они разделили одну кровать, их дружба стала ещё крепче, и нужно произнести что-то важное. Но слова казались глупыми и застревали в горле. Тогда Ли Хуэй сам негромко пояснил:

— Понимаешь, если не в «Хуанхэ», то в другую школу я бы ещё, может, и поступил. Но я сам не хочу. Из-за этого с матерью сейчас и воюем.

— Почему не хочешь-то?

— Я чувствую, что не грызть мне гранит науки. К тому же, если учиться дальше, матери снова придётся платить. Ты же видишь, что на заводе творится: сегодня работа есть, завтра — нет. Живём одним днём. Не хочу, чтобы ей было совсем уж туго.

Юньпину вдруг стало не по себе. Его отец последние годы постоянно мотался на заработках, возвращался редко, зато исправно присылал деньги. К матери Юньпин был привязан сильно, и слова друга отозвались в нём сочувствием. У Хуэя ведь даже отца не было.

— И что тогда? Пойдёшь в путягу?

— А какая разница? Учиться я не буду. Хочу подкопить немного и открыть лавку: табак, вино, всякое такое.

Этот план показался Юньпину чем-то из области фантастики. Лишь много лет спустя он поймёт, что Ли Хуэй гораздо раньше него почувствовал на своих плечах тяжесть жизни. Пока Юньпин ещё пребывал в блаженном неведении юности, Ли Хуэй уже пытался толкнуть дверь в мир взрослых — холодный и беспощадный.

— А деньги где возьмёшь? У тебя же нет ни шиша.

— Сейчас нет. Соберу как-нибудь.

В голове у Юньпина всё перемешалось: страх перед взрослым миром и какая-то необъяснимая досада. В конце концов, ему до смерти надоело, что они вдвоём и два одеяла занимают столько

места. Он одним резким движением скинул одеяло Хуэя на пол.

— Ты чего?! — вскинулся тот.

Юньпин расправил своё одеяло, накрывая их обоих одним махом.

— Так спи. И не тесно, и не холодно. А то из-за твоих шмоток вообще не развернуться.

Ли Хуэй помедлил пару секунд, но спорить не стал. Он тихо лёг обратно, всё так же отвернувшись от друга.

В комнате воцарилась тишина. Лишь громко тикал будильник на столе, а его стрелки слабо светились в темноте фосфорным светом. Спустя долгое время Лу Юньпин подал голос:

— Я тоже в университет не горю желанием. Но если не пойду в старшую школу, мать меня точно пришибёт.

Ли Хуэй промолчал, и Юньпин добавил:

— Слушай, а пойдём со мной в старшую? Отучимся, а потом вместе лавку откроем. Расходы пополам, да и деньги собрать будет проще!

<http://bllate.org/book/17478/1693233>